

«Просто скажи мне... Прошу тебя».

Цзянь Жочэнь вышел из машины, сохраняя на лице абсолютное бесстрашие. Гуань Инцзюнь замер у открытой дверцы; под порывами резкого холодного ветра его мысли немного прояснились.

— В каком корпусе ты жил? — глухо спросил он.

— Во втором, — юноша указал вперед, едва заметно поджав губы.

— Прости, что сомневаюсь в тебе, — бросил офицер, шагая следом.

Он привык побеждать, идти напролом, но рядом с Жочэнем все его проверенные методы и аналитические приемы почему-то давали осечку. Молодой господин не ожидал такой прямолинейной честности и на мгновение замялся, не зная, что ответить.

Некоторое время они шли в молчании. Затем мужчина произнес, и голос его прозвучал низко и надтреснуто:

— Я решил проверить тебя, потому что...

Инцзюнь тяжело вздохнул, украдкой взглянул в эти удивительные, ясные глаза и почувствовал, как в горле встает ком. Слова застряли. Он не знал, как объяснить свои мотивы, и тем более не смел облечь в слова то, что творилось у него на душе.

Карьер Дашанто, расположенный на самом востоке Цзюлуна, был районом бедноты. Изысканный, почти неземной облик Цзянь Жочэня казался здесь чем-то чужеродным, невозможным. Стоя на ветру, юноша выглядел совершенно естественно, будто всё это было ему привычно. В нем чувствовалась странная, пугающая уверенность — словно лесной дух, вышедший к стае волков и ничуть ими не смущенный. Достаточно было одного его вдоха, чтобы заставить хищников попятиться и сменить роли преследователей на преследуемых.

Жочэнь негромко усмехнулся.

«Гуань Инцзюнь — человек, для которого истина превыше всего. Стоит в его душе зародиться сомнению или любопытству, он не успокоится, пока не докопается до сути»

Юноша понимал эту страсть к деталям. Это был профессиональный рефлекс опытного детектива. Но так продолжаться не могло — это мешало их сотрудничеству. Сейчас было важно позволить напарнику самому найти ответ. Что бы Жочэнь ни сказал сейчас — правду

или ложь — инспектор всё равно не поверит словам. Он поверит только тому, что увидит своими глазами.

Спрятав руки в карманы, юноша кивнул в сторону обветшалых строений:

— Ищи. Но раз уж ты решился на это, будь готов принять последствия.

***

Инцзюнь шел следом, запоздало жалея, что не вглядывался в его глаза подольше. Может, тогда он смог бы отличить искреннюю усмешку от притворной. Но теперь оставалось только идти до конца.

Освещение в этом трущобном квартале было временным. Жестяные конусообразные абажуры мерно раскачивались на ветру, бросая неровные пятна света на разбитую пыльную дорогу. Офицер мельком огляделся. Даже работая под прикрытием, он никогда не жил в такой дыре. В Бангкоке в подобных лачугах и контейнерах ютились разве что чернорабочие из нарколабораторий да мелкие сошки из банд.

Неудивительно, что Жочэнь так стремился публично разорвать связи с семьей Цзянь. Если бы Цзянь Миншань выделял сыну хотя бы крохи из своего состояния, юноше не пришлось бы пройти через такие лишения.

Звук их шагов — уверенный и гулкий — раздавался по гравию и песку строительной площадки. Жочэнь остановился и обернулся:

— Пришли. Третья комната на втором этаже.

Он указал подбородком на лестницу:

— Иди. Здесь большая текучка, живут в основном рабочие с карьера. Не знаю, успели ли сдать мою комнату кому-то другому. Если там заперто, домовладелец живет неподалеку, в жилом блоке при заводе. Можем сходить за ключами.

Гуань Инцзюнь невольно сжал кулаки так, что побелели костяшки. В этой ситуации он сам инициировал проверку, но чувствовал себя так, словно на скамье подсудимых сидит именно он. Жочэнь проявил лишь минутное замешательство в больнице, а всё остальное время держался... пугающе непринужденно.

Инспектор постучал в хлипкую дверь. Вскоре послышалось шарканье ног. Мужчина, открывший им, выглядел крайне раздраженным; в руке он сжимал початую бутылку спиртного.

— Кого там принесло среди ночи?

Стоило железной двери приоткрыться, как наружу вырвалась волна спертого тепла, пахнущего перегаром, кислотой и рвотой. Юноша непроизвольно отступил на шаг, но Инцзюнь, чье обоняние было куда острее, замер как вкопанный. Предъявив удостоверение, он сухо бросил:

— CID. Нужно кое-что проверить.

Хмель из головы незнакомца выветрился мгновенно.

— Офицер? Я вроде ничего не нарушал...

Инспектор не стал отвечать. Достав блокнот, он начал опрос:

— Когда вы сюда въехали? Что знаете о предыдущем жильце? Остались ли после него какие-то вещи?

Поняв, что пришли не по его душу, мужчина засуетился:

— Да я месяц как тут. Жилье дешевое, спрос большой, до работы рукой подать. Как только освободилось — сразу заехал.

Он неловко почесал затылок и криво усмехнулся:

— Предыдущий парень у нас на карьере был знаменитостью. Красивый такой, кожа белая-белая. Говорили еще, у него на кончике уха родинка красная была.

Офицер почувствовал укол раздражения. Сладковато-похабный тон этого человека действовал на нервы. Его пальцы сильнее сжали ручку, и на бумаге прочертилась неровная, ломаная линия.

— Где вещи, которые он оставил? — холодно спросил инспектор.

Мужчина облизнул губы и виновато пробормотал:

— Да в утиль сдал... продал как хлам.

Жочэнь, стоявший чуть поодаль, сохранял спокойствие.

«Лжет»

На этот раз он не стал подсказывать инспектору.

— У тебя покраснела шея, кончик носа стал пунцовым, ты чуть наклонил голову и поджал губы. Ты лжешь, — отрезал Инцзюнь.

Юноша удивленно приподнял бровь. Надо же, инспектор за один вечер освоил азы чтения микровыражений? Он вышел вперед:

— Я хотел забрать свои книги. Они еще у тебя?

Инцзюнь изумленно взглянул на него, и на душе стало чуть спокойнее. Такая открытость... Если здесь и была какая-то тайна, то, возможно, она была пустяковой.

Мужчина, увидев Жочэня, на мгновение лишился дара речи. Гость был настолько хорош собой, что походил на небожителя, спустившегося в эту грязь. «Жаль, что парень», — мелькнуло в хмельной голове соседа. Сглотнув, он забормотал, окончательно теряя волю под этим взглядом:

— Книги... Да я сжег часть. Только одна осталась...

Жочэнь мысленно вздохнул.

«Ну что ж ты за человек, почему не сжег всё?»

Хотя книги были подержанными, на них наверняка сохранились пометки прежнего владельца. В Сянгане девяностых в полиции еще не было штатных графологов, приходилось обращаться к экспертам. А ведь Ли Чаньюй — как раз такой эксперт, и он работает на Инцзюня!

Мгновенно приняв решение, юноша протянул руку:

— Пусть одна. Верни её мне.

Мужчина, всё еще одурманенный алкоголем и красотой гостя, послушно нырнул в комнату и вытащил из-под ведра с дровами потрепанный том, насквозь пропитанный соляжкой. Верхняя часть книги обуглилась, нижняя была испачкана маслом. Жочэнь потянулся к ней, но дорогу преградила другая рука.

Инцзюнь осторожно перехватил книгу за уголок через носовой платок.

— Я сам. Не хватайся, запачкаешься.

Юноша поджал губы.

Инспектор открыл титульный лист. Там детским, неуверенным почерком было выведено имя: Цзянь Жочэнь. Каждое движение кисти выдавало робость и отсутствие твердой руки. Это было совсем не похоже на тот почерк, который Жочэнь демонстрировал сейчас: уверенные, каллиграфические росчерки, полные внутренней силы.

Не нужно было быть экспертом, чтобы понять — писали разные люди.

Инцзюнь, не меняясь в лице, оторвал клочок бумаги с именем и аккуратно завернул его в платок. В голове набатом билась мысль: «Может, я ошибся? Может, он никогда и не умел писать как мастер, и это и есть его настоящий почерк?» Он решил подождать: когда они вернутся в машину, он попросит Жочэня написать что-нибудь еще раз. Только тогда можно будет делать выводы.

Вернув испорченную книгу мужчине, офицер бросил:

— В таком виде она бесполезна. Дожигай.

Жочэнь повернулся к жильцу:

— Есть еще что-нибудь? Я готов выкупить свои вещи.

Ему нужно было проверить всё, что осталось, чтобы владеть информацией. Возвращаться сюда во второй раз он не планировал.

В этом мире все любят деньги. Услышав о выкупе, мужчина, пошатываясь, вытащил из шкафа пластиковую банку. На ней маркером было косо написано: «Витамин В».

Глядя в лицо юноше, сосед заискивающе затер пальцами:

— Только это и осталось. Я у хозяина спрашивал, он сказал — это... витамины какие-то, полезные. Я сначала сам хотел выпить, утром съел четыре штуки, так в тот же день на карьере в обморок и грохнулся. С тех пор боюсь трогать. Как их вообще едят? Жевать надо?

— Да, — Жочэнь покрутил банку в руках, быстро осматривая содержимое.

Это был типичный кустарный товар — никакой маркировки на флаконе. Но даже фальшивомонетчики от медицины обычно используют дешевую аскорбинку или обычный мел. От них взрослый здоровый мужчина не падает без чувств.

Инцзюнь опустил взгляд на банку, голос его стал резким:

— Можно мне?

Жочэнь без тени сомнения вложил флакон в его ладонь:

— Забери на экспертизу. Полагаю, с этим препаратом что-то не так.

Инспектор опешил:

— М-м?

«Так просто отдал?»

Он не сразу нашелся с ответом, растерянно сжимая банку в руке.

— Что это за витамины, от которых сознание теряют? — Жочэнь горько усмехнулся. — Теперь понятно, почему после переезда я стал чувствовать себя гораздо лучше.

Забота Ло Биньвэня, конечно, сыграла свою роль, но легкость в теле не могла быть самообманом. Прежде это тело было изможденным, слабым, Жочэнь задыхался после пары шагов. Отчасти это объяснялось бедностью, но Сянган девяностых был полон возможностей. При трудолюбии прежнего владельца он мог бы спокойно мыть посуду в любом ресторане и не голодать. Но когда юноша только очнулся, слабость была за гранью естественного.

— Теперь я понимаю: меня планомерно травили, — заключил юноша.

Он быстро перебрал в уме возможных врагов. Цзянь Ханьюй? Сомнительно: ему нужна была кровь Жочэня, живой донор, а не труп. Лу Цянь? Тоже вряд ли — их конфликт еще не зашел так далеко, чтобы переходить к убийству. В оригинальном романе Жочэнь вообще не задевал интересов Лу Цяня.

«Если не они, то кто?»

Жаль, что он не унаследовал памяти прежнего Жочэня, и все знания ограничивались лишь скудными строчками романа. Будь у него больше фактов, он бы уже вычислил отравителя.

Пока Жочэнь размышлял, Инцзюнь тоже анализировал ситуацию.

«Если Жочэнь — это не Жочэнь, то откуда он узнал про отравление, едва взглянув на банку? Не может же быть, что тело одно, а души — две?»

Детективу пришлось выбирать: продолжать расследование или идти к гадалкам. Нынешний комиссар Лэ Цзиньвэнь в свое время вел похожее дело: серийный убийца, лишивший жизни семерых, клялся, что невиновен, и обвинял четверых других личностей, живших в его голове. Прямо в допросной он впал в такое безумство, что даже бывалый Лэ Цзиньвэнь не на шутку перепугался. Неужели Жочэнь — такой же случай?

Офицер убрал флакон в пакет для улики и спросил:

— Ты помнишь, откуда взялось это лекарство?

Жочэнь лишь пожал плечами:

— Инспектор Гуань, выяснить это — твоя работа. Столько времени прошло, я уже и не припомню.

Достав из кармана купюру в тысячу гонконгских долларов, он протянул ее мужчине:

— Приведи себя в порядок. Грязь и вонь до добра не доводят — только до болезней.

Тот оторопело принял деньги, машинально потирая бумагу пальцами. Стоили ли книга и банка таких денег? Или Жочэнь просто проявил сочувствие и действительно хотел, чтобы сосед взялся за ум?

Юноша бросил последний взгляд на комнату. Он не ожидал, что эта поездка принесет такие плоды... Если бы этот рабочий был хоть немного честнее и не пытался прикарманить чужое добро, о подмене витаминов можно было бы и не узнать.

***

Они покинули жилой блок и молча сели в машину. Инцзюнь протянул юноше блокнот и ручку:

— Напиши свое имя.

Жочэнь взял ручку и, не пытаясь ничего скрыть, уверенно вывел иероглифы на бумаге. Офицер медленно разжал кулак, в котором прятал платок с обрывком титульного листа.

Два совершенно разных почерка лежали перед ним, разбивая в прах последние надежды. Свежая запись — каллиграфическая, полная изящества и силы, результат долгих лет упражнений. А та, что была пропитана маслом — лишь старательная, но неумелая ученическая вязь.

Рука инспектора, державшая блокнот, мелко задрожала. Ему казалось, что чьи-то невидимые пальцы сдавливают ему горло; в шее возникла тупая боль, а голос стал сиплым:

— Мне нужны объяснения. Как человек может за месяц изменить почерк до неузнаваемости? Всего один месяц...

Он едва не выронил улики, но в последний момент отшвырнул их на панель приборов. Резко дернув рукой к поясу, он первым делом нащупал кобуру, но не нашел в себе сил направить ствол на Жочэня. Вместо этого он выхватил наручники и с лязгом защелкнул их, сковав правую руку юноши со своей левой.

Жочэнь бросил небрежно:

— Я просто тренировался.

Инцзюнь пристально посмотрел на него. Юноша почувствовал, как воздух вокруг сгущается. От инспектора исходила аура подавляющей, почти осязаемой власти — за внешним спокойствием скрывалась глубокая, выстраданная ярость человека, привыкшего повелевать.

Молодой человек опустил глаза:

— Гуань Инцзюнь, если не веришь — вези меня на генетическую экспертизу. При поступлении на медицинский факультет Университета Сянгана проверка была строжайшей, все данные сохранены, включая ДНК.

Он глубоко вздохнул и прямо встретил взгляд офицера:

— Да в чем ты, в конце концов, меня подозреваешь?!

Инцзюнь рванул руку на себя, сокращая расстояние между ними до минимума; его голос дрожал:

— Ты не знал о собственной врожденной болезни. За месяц невозможно так поставить руку, ты снова мне лжешь!

«ДНК... Самое важное — это ДНК. Родинка на кончике уха, живая мимика, характерные черты лица... Всё указывает на то, что это тело Цзянь Жочэня, его невозможно было подменить. Но как в одном теле могут уживаться две души?»

Разум боролся с чувствами, абсурд сталкивался с реальностью. Конфликт между логикой и очевидностью буквально разрывал инспектора на части:

— Кто ты? Откуда? Как ты здесь оказался? Неужели ты...

Чем глухо он копал, тем больше узнавал — и тем меньше понимал.

Жочэнь смотрел на него и видел каждое мимолетное движение на лице мужчины. В глазах офицера отражалась мучительная борьба, всё его тело было напряжено до предела. Эта нерастратенная энергия не находила выхода, застревая в груди, отчего дыхание стало тяжелым, а лицо пошло красными пятнами.

Гуань Инцзюнь низко опустил голову и едва слышно, сквозь зубы, выдавил:

— Просто скажи мне... Прошу тебя.

Юноша удивленно моргнул. Он видел, что напарник на пределе. Такие слова из уст этого человека не были простой уловкой или попыткой задобрить. Он действительно страдал, разрываясь между профессиональным долгом и личным выбором.

«Но почему?»

Жочэнь не сразу нашел ответ. Он перехватил цепь наручников и что было силы рванул на себя. Офицер, не ожидавший такого напора, подался вперед. Юноша придвинулся к самому его уху и вкрадчиво произнес:

— Инспектор Гуань, если ты такой смелый — тащи меня в допросную. Придумай статью... наркоторговец под прикрытием? Или иностранный шпион? Я готов к любому...

Инцзюнь застыл, словно превратился в камень. Глаза его расширились от ужаса.

— Цзянь Жочэнь! — выкрикнул он.

Этот срывающийся на истерику крик, вырвавшийся из самой глубины души, оборвал фразу юноши. Жочэнь увидел, как на шее мужчины бешено запульсировала вена.

Инспектору казалось, что остатки его рассудка уносятся прочь вместе с холодным ветром.

— Если бы я хотел тебя допрашивать, я бы не привез тебя сюда! Я бы не ждал столько времени и уж точно не сидел бы сейчас рядом с тобой!

Он рывком расстегнул наручники и отстранился, пытаясь удержать ускользающее самообладание.

— Я отвезу тебя к Ли Чанъюю.

Жочэнь слегка прищурился.

«Гуань Инцзюнь ведет себя очень странно»

Логика его действий совершенно не укладывалась в попытку доказать его вину. Напротив. Казалось, офицер всеми силами пытается найти подтверждение его невиновности.

Это походило на отчаянную попытку... самовнушения.

<http://bllate.org/book/15833/1439595>